

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 4 (40)
2008

МОСКВА

Председатель редакционного совета
Жуков В. И. – ректор Российского государственного социального университета,
академик РАН

Главный редактор
Осадчая Г. И. – Российский государственный социальный университет,
доктор социологических наук, профессор

Члены редакционного совета
Генов Николай (Германия)
Городяненко В. Г. (Днепропетровск, Украина)
Григорьев С. И. (Москва)
Дмитриев А. В. (Москва)
Дильнов Г. В. (Саратов)
Зборовский Г. Е. (Екатеринбург)
Иванов В. Н. (Москва)
Кен Робертс (Ливерпуль, Англия)
Мансуров В. А. (Москва)
Маркос Аурелио Гудес де Оливейра (Ресифи, Бразилия)
Осипов Г. В. (Москва)
Саралиева З. М. (Ниžний Новгород)
Тощенко Ж. Т. (Москва)
Куропятник А. И. (Санкт-Петербург)
Шпак Н. С. (Минск, Республика Беларусь)
Ярская-Смирнова Е. Р. (Саратов)
Погосян Г. А. (Ереван, Армения)

Члены редакционной коллегии

Мешкова Е. Г., доктор социологических наук
Онокой Л. С., доктор социологических наук
Салихов Б. В., доктор экономических наук
Танатова Д. К., доктор социологических наук
Юдина Т. Н., доктор социологических наук
Старовойтова Л. В., доктор исторических наук
Старостенков Н. В., доктор исторических наук
Захаркин В. П., кандидат технических наук
Петрова Е. А., доктор психологических наук
Кюдин М. И., доктор социологических наук
Тупицына И. Н., доктор филологических наук
Глотов С. А., доктор юридических наук
Грунин А. А., доктор экономических наук
Уржа О. А., доктор социологических наук
Михайлова Л. И., доктор социологических наук
Ефремова Г. И., доктор психологических наук

Над номером работали

Главный редактор
Объединенной редакции
периодических изданий РГСУ
Жамалетдинов Н. К.
Ответственный секретарь
Мастецова Е. Г.
Технический редактор
Бойцова Н. Л.
Компьютерная верстка и оформление
Рычагов М. А.
Художественное оформление
Морозов Д. А.

Решением Президиума ВАКа Министерства образования России журнал
«Социальная политика и социология» включен в перечень периодических
изданий, рекомендуемых для публикации научных работ, отражающих основное
содержание докторских диссертаций.

Наш адрес: 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, корпус 2, комн. 1.

Контактный телефон: (499) 187-36-09.

www.rgsu.net/pauka/zapiski

E-mail: soc_pol@mail.ru

© Российский государственный социальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

В. А. Аксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ КОНФИКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	8
В. В. Мартыненко ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ДЕНЕГ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	19
Т. А. Васильева ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: КОНФЛИКТ ИЛИ КОНЦЕНСУС?	26
В. А. Сахаров ЗАПАД И ВОСТОК И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КООРДИНАТ	36
Э. М. Брандман СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ИДЕНТИЧНОСТИ ОБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	40
А. Н. Волкова СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	49
Л. Н. Качеткова ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ	60
В. А. Ильин ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ	71
П. В. Леньшин ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ	88
Н. К. Иконникова КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК РАБОЧИХ-МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ	96
М. С. Тысячанюк, С. А. Тулаева ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КРУПНОГО БИЗНЕСА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРАКТИК	104
СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ И ДЕТСТВА	
А. М. Рабец ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ В ДОКТРИНЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РФ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ)	117
М. В. Раттур ГЕНЕАЛОГИЯ ОТВЕТСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	131
Н. В. Подвойская ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ МОЛОДЕЖИ КАК ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА	150
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ТЕХНОЛОГИИ	
А. А. Вартумян, Ю. Ю. Попова УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	159
С. А. Красиков СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ К ПРОБЛЕМАМ УПРАВЛЕНИЯ	168

О. П. Буйлов ЭКОПОЛИТОЛОГИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ	177
С. С. Халтанова РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ	189
А. А. Рахматов КОНФЛИКТ И КОМПРОМИСС В ПОЛИТИКЕ	198
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ	
Б. В. Салихов, Б. А. Нейматова ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В УПРАВЛЕНИИ КОРПОРАТИВНЫМИ ЗНАНИЯМИ	210
А. Б. Кочкаров РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК СУБЪЕКТА РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	223
А. В. Семенова ОРГАНИЗАЦИЯ СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ	235
Н. З. Скударова НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИПОТЕКИ В РОССИИ	248
В. В. Лазарева СОЦИОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ СТРАТЕГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ)	258
СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	
Е. А. Морозова, О. В. Головина СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	268
Л. В. Федякина ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОМПЛЕКСА	284
Т. М. Симонова ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА» В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ЗА РУБЕЖОМ	292
В. В. Сутужко СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	303
А. Ю. Руднев ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	315
СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА	
А. С. Маркелов ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО РЫНКА	332
А. С. Соколов КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ СТАТУС ВЫПУСКНИКА В ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ	342
РЕЦЕНЗИИ	
М. Б. Боков КАК НАЧИНАЛАСЬ ЭПОХА ПУТИНА: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ 1999–2000. ЗАМЕТКИ НАБЛЮДАТЕЛЯ	349

Н. К. Иконникова,

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, ответственный секретарь журнала «Личность. Культура. Общество»

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК РАБОЧИХ-МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

Человек выступает как носитель социальных норм, правил, ценностей, мифов, обычаев, традиций, которые создают общее символическое пространство смыслов как условие коммуникации. Они образуются как результат интеграции определенных социальных порядков, сначала основанных на привычках поведения, а затем все более внутренне жестких и замкнутых, в том числе с помощью государственного устройства и границ, экономических регуляторов национального рынка и внешней торговли, официального языка и культуры, нормативов образования, принятых форм повседневного поведения. Одновременно релантируются и каналы общения с внешним миром и устанавливаются способы вхождения в складывающиеся системы отношений. Таким образом, подход к анализу социальных взаимодействий в терминах коммуникативных процессов позволяет избежать принятого до сих пор противопоставления социальных форм культурному содержанию (или наоборот). Представляется, что латентным содержанием являются именно смысловые структуры, которые далее могут функционировать и в символическом пространстве – как значимые социальные различия и структуры, культурные маски и оценки, и в объективированном, «овеществленном» виде – как социальные группы и институты, артефакты культуры. Механизм трансформации смыслов в «социокультурно видимые» символы и объекты, на наш взгляд, описывает понятие «практика».

Трудно найти в литературе адекватное его определение. Даже П. Бурдьё в работе «Практический смысл», фактически целиком посвященной социальным практикам, не дает явного их определения. Можно принять, что практики

– это сложившиеся общепринятые формы деятельности, отражающие совокупный значимый (и лично пережитый) опыт индивидов и групп, являющихся субъектами этой деятельности. Обращение к понятию практики означает (по крайней мере, обозначает как намерение) попытку выйти за рамки противопоставления системно-институционального и повседневно-бытийного анализа, практики рассматриваются не как нечто дополнительное к социальным структурам и институтам, а являются способом ре-интерпретировать (реконструировать) институциональный и структурный анализ на мезо- и микро-социальном уровне, показать связь социальных норм с системами ценностей и смыслов, воспроизводимых в каждом социальном действии. В зависимости от субъекта практик, они могут быть индивидуальными и коллективными, в разной степени институционализированными (от привычек-табутов и обычно-правовых норм до законных и формализованных (бюрократических) практик).

Разработка данного понятия свидетельствует о достижении обществом новой ступени структурирования, соотношения формализованности-манипулятивности и, с другой стороны, личностности-творческой. Трансформация смыслов в социальные нормы и институциональные отношения и ценности культуры уже не являются автоматической, этот процесс осознается как проблематичный и требующий «конструирования», т.е. с одной стороны, рефлексии и манипулирования, а с другой – (в терминах М. Вебера) «призвания и страсти».

Проблемные «развороты» темы миграции в современных этнологических исследованиях многообразны. Они зачастую (как это повелось со времен становления антропологии как «зеркала» для собственного общества, что отмечали и К. Клакхон, и М. Мид) становятся фокусом рассмотрения актуальных вопросов социальной и культурной политики в целом – о «лице» и духе нации, правах личности и правах социально слабых групп, самобытности и национально-культурной автономии, социальной защите и ответственности, условиях договора между трудом и капиталом, политической и правовой культуре, образовательных стандартах – а вовсе не только и не столько о территориальной мобильности. Смена проблем, обсуждаемых в связи и в контексте различных потоков миграции, наблюдается и в отечественной этнологии, а также тех высших миграциях, которые инспирированы этнологами-консультантами. Все больше проявляются рост прагматизма и понимание того, что «столкновение культур» (и людей, их представляющих), конфликт интересов групп и личностных стратегий – это не ограниченные во времени и случайные (во всяком случае, не неизбежные) события, которые можно изолировать и исключить, а сама новая социальная реальность.

Каждое современное государство, вырабатывая свою миграционную политику, артикулирует определенные экономические, политические, социальные, культурные ее цели, а также создает механизмы, призванные эту политику воплотить

лощать в жизнь. Однако и на постсоветском и, шире, постсоциальном пространстве это проявляется особенно наглядно, декларируемая политика довольно сильно отличается от реального содержания деятельности вроде бы проводящих ее в жизнь институтов и еще больше – от того, какие формы accommodations и мимикрии рождаются в связи с реализацией этой политики в повседневной жизни людей. Чтобы снять теоретическое и мировоззренческое напряжение, порождаемое учетом этого расхождения, современные социальные теории – и в этнологии, и в социологии, и в других социогуманитарных науках – оляют-таки, лучше всего использовать понятие «практик».

Социальные практики в случае рабочих-мигрантов включают трудовые, экономические, социально-коммуникативные (в том смысле, в каком К. Маркс использовал понятие «формы общения» в «Немецкой идеологии»), правовые (административные), языковые, образовательные, художественные виды практик (или их аспекты). С позиций этнологического анализа важно иметь в виду взаимосвязанность этих практик, рассмотрение трудовых отношений и предпринимательской деятельности мигрантов в отрыве от других видов практик ведет к заметным искажениям картины.

Московский регион как исследовательское поле представляет почти неисчерпаемый интерес как центр притяжения мигрантов из многих территорий Российской Федерации и стран СНГ. Существуют целые отрасли – такие, как ремонт, строительство и благоустройство, в большой степени розничная и мелкооптовая торговля (особенно в ее киосочно-базарной форме), мелкоцеховое производство продовольственных товаров и товаров повседневного спроса, – где заняты преимущественно мигранты. В рамках проводимого нами исследования объектом описания и анализа являются производственные единицы (группы) в сфере строительства как в городе, так и в сельской местности.

Термин «производственная единица (или группа)» (unit of production) традиционно используется этнологами для описания первичного производственного звена, расходующего факторы производства (труд, различные сырьевые и культурные ресурсы) для получения оцениваемого как полезный продукт. Это понятие описывает и домохозяйство неиндустриальных обществ, и «современную» (т.е. относящуюся к современному и уже пост-модерну обществу) фирму. Целый ряд реминисценций понятия неиндустриальной производственной единицы, таких как значимость личных отношений и реципрокность, вне-экономический характер целей и т.п., проявляются в современных теориях организации и организационной культуры сетевого общества. Различие производственной единицы-домохозяйства и производственной единицы-фирмы состоит в соотношении таких черт как неформальность / формальность отношений, внеэкономические / экономические конечные цели, тотальная / частичная вовлеченность, интегральность / секционность.

Первые два противопоставления вряд ли нуждаются в подробном комментарии. Отметим лишь, что неформальность / формальность отношений рассматривается нами в логике трактовки М. Вебером бюрократии как способа социальной организации и социальных последствий этого различения, рассмотренных Ф. Теннисом, а также особенностей городской организации у Р. Вирта. Идея внеэкономических целей «экономической» (во всяком случае, связанной с производством, распределением и потреблением) деятельности хорошо разработана в экономической антропологии, достаточно сослаться на работы Б. Малиновского, М. Мосса, М. Саллинза и других «субстантивистов». Понятия тотальной или частичной вовлеченности описывают соотношение деятельности и целей внутри и вне группы. Домохозяйство как производственная единица неиндустриальных обществ вовлекает всех своих членов тотально, являясь не только центром трудовых и экономических практик, но и религиозных, семейных, коммуникативных, потестарных, художественных и др. Ни трудовой коллектив, ни семья индустриального общества такой тотальностью не отличались. Те процессы квази-ретрибализации, которые сейчас описывают, также не являются преодолением частичной вовлеченности индивида в производственную единицу и другие социальные связи. Скорее, следует говорить о новом способе его структурного соединения (термин Н. Лумана) с социальными системами, основанном на усложнении уровней самонаблюдения и манипулятивного контроля, формировании новых типов личной и коллективной идентичности. Понятия интегральность / секционность фиксируют уже не индивидуальную, а групповую включенность в социальную систему и были предложены для антропологического описания сообществ Р. Фиртом (Фёрсом). Секционное сообщество – это представитель, локальное подразделение более крупной социальной единицы, в то время как интегральное – является самодостаточным, автономным (хотя вряд ли его при этом можно характеризовать как «закрытое»).

У неиндустриальных производственных единиц-домохозяйств, как правило, в большей степени присутствуют первые из указанных в противопоставлениях признаков, у «фирм» (того, что еще у Гегеля называлось «корпорацией» в отличие от «семьи») – вторые.

Данные противопоставления выявляют характеристики практик в контексте противопоставления формализованности-манипулятивности versus личностности-творческой, о чем мы писали выше. Поскольку речь идет о возможности с помощью определенных социальных средств (языков) заявить о своих целях и идентичности, с тем, чтобы быть понятыми, мы характеризуем предлагаемый подход как коммуникативный (собственно, это трансформация определения коммуникативного процесса Н. Луманом, построенного на различении сообщения как средства, информации как целевого содержания и понимания как эффекта социального взаимодействия).

Как относящиеся к Московскому региону нами рассматриваются производственные единицы («предприятия» – организации, бригады, «ватаги», семьи и т.п.), работающие как в Москве и ближнем Подмосковье (см. прим. 1), так и на прилегающих территориях, что обусловлено реальным единством данного региона как рынка труда рабочих-мигрантов и рынка услуг по строительству и благоустройству. В данном случае пути расселения и занятости рабочих-мигрантов совпадают с географией маятниковой мобильности москвичей между работой и загородным жильем (постоянным или сезонным) и жителей Подмоковья между местом жительства и работой. При этом следует отметить, что различные федеральные субъекты в рассматриваемом регионе реализуют разную миграционную политику. Так, если Москва и Московская область жестко ограничивают приток мигрантов и возможность получения ими постоянной (долгосрочной) регистрации и работы, то некоторые соседние области, например, Калужская, где и проводились наблюдения, проводят политику активного привлечения мигрантов на постоянное жительство, причем основной приток приходится не на жителей Белоруссии, Украины, Молдавии, преимущественно поставляющих временную рабочую силу в Москву и Московскую область, а на выходцев из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Тем не менее и в том, и в другом случае мигранты отдают предпочтение нелегальной или «серой» занятости и получению фальсифицированных документов о регистрации. Это во много объясняет расхождение данных статистики, собираемых Федеральной миграционной службой РФ, и полевых наблюдений. Данные ФМС, опубликованные Госкомстатом РФ, демонстрируют резкий спад количества зарегистрированных мигрантов в 2003 – 2004 гг. Для городских бригад эта статистика подтверждается наблюдениями, в то время как численность сельского сообщества росла и в эти годы, сократилась лишь локальная мобильность приезжающих, они реже покидали территорию сельсовета.

Исходя из полученных в ходе наблюдений данных производственные единицы в Московском регионе можно разделить на два типа: «городские бригады» и «сельские сообщества», причем тип поселения, где они встречаются, не является единственным критерием выделения, гораздо важнее различия в типах социальных практик, которые мы обозначили выше.

Тип «городской бригады» объединяет, на первый взгляд рабочих-строителей, приехавших из разных стран СНГ, занятых в строительных организациях («фирмах»). Последние образуют (оформляют) те или иные «юридические лица», выполняют работы преимущественно в Москве и Московской области (хотя наблюдаемые нами организации имели заказы в том числе, например, в Тюмени), где имеют подрады на строительство административных зданий (в описываемом случае, хотя другие организации, расходующие больше средств на легализацию своей рабочей силы и «связи с общественностью», могут быть за-

наты и в городском жилищном строительстве), загородного жилья (коттеджи, дачи). Однако рабочие-мигранты из Средней Азии по сравнению с приезжающими из Белоруссии, Украины, Молдавии отличаются по ряду характеристик. Это практически только мужчины, средний возраст несколько моложе, чем у большинства рабочих-мигрантов в городских бригадах (в среднем 46 % 30 – 40 лет, 34 % 40 – 50 лет; мигранты из Средней Азии были в возрасте 25 – 35 лет). Узбеки и таджики, искавшие работу на строительстве в городе, в большинстве имели высшее образование.

Они рассматривают свою работу на стройке как временную, но не потому, что для них это «вахта» (или «отходничество»), как для украинцев, молдаван. Наблюдаемые строители из Средней Азии используют эту занятость как способ получить время для оформления документов, поиска другой, более квалифицированной работы (хотя реально редко ее находят) или создания собственного (используя связи в землячестве) мелкого бизнеса. Они активно обращаются за содействием в легализации, трудоустройстве, отправке денег домой, поддержании контактов с родственниками в национально-культурные автономии, зарегистрированные в Москве (и объединенные Московским домом национальностей), хотя последние тем самым полулегально расширяют свои уставные задачи. Их трудовая дисциплина и производительность труда достаточно высоки, положительно реагируют на мотивирующие факторы. Достаточно владея русским языком, они пытаются налаживать связи не только внутри фирмы и в пределах землячества, но и в других социальных кругах в соответствии со своими профессиональными и предпринимательскими интересами. Однако их социальный статус, трудности с передвижением по Москве (даже имея официальную регистрацию, они боятся милицейских проверок) ограничивают их социальные связи низкостатусными слоями и препятствуют достижению их целей. В подавляющем большинстве случаев они не женаты (не было денег для женитьбы на родине), но помогают своим семьям (не только родителям, но и братьям, и сестрам, другим родственникам), оставшимся дома и мигрировавшим в Россию. Для них характерен интерес к массовым развлечениям, в ряде случаев – и к памятникам культуры.

При этом отсутствие перспектив занятости и высокой оплаты труда дома, дороговизна проезда домой, ориентация на поиск квалифицированной постоянной работы заставляют их рассматривать свое пребывание в Москве как долгосрочное. Этот вид миграции для государств Средней Азии, безусловно, является не просто потерей рабочих рук, но и «утечкой мозгов», в то время как невозможно оценить как «растрату умов» (см. прим. 2).

Набор социальных практик этой группы рабочих-мигрантов нацелен на использование формальных, институциональных, современных механизмов адапта-

ции в новой для них среде. Конфликтный потенциал этих процессов связан с неприятием ими оценки окружающих, которые не дифференцируют их из массы других приезжих – занятых неквалифицированным трудом, депрофессионализированных, «убежавших» от семейных обязательств, малообразованных, пьющих и т.п.

Сельские сообщества мигрантов-таджиков на территории Корсаковского сельсовета Калужской области демонстрируют принципиально иной набор социальных практик и тип миграции. Это в основном еще более молодые мужчины (хотя среди них есть три семьи, старшим членам которых 50 – 60 лет). Приезжают в Россию они в возрасте 12 – 18 лет, редко старше. Выходцы из сельской местности. Среди них много братьев, одноклассников, есть сорокалетние отцы с сыновьями. Образование неполное среднее и среднее. Русский язык они обычно учат уже приехав в Россию, осваивая версию лексики, далекую от литературной. Таджики образуют из своего состава бригады-ватаги для выполнения работ по строительству и благоустройству для дачников на территории сельсовета. Три человека выполняют обязанности пастухов в деревнях. Новой формой занятости в 2007 г. стала работа на строительстве коттеджного поселка, где их нанимателем является не физическое лицо-дачник, а посредник-бригадир, представляющий интересы фирмы. Регистрацию они обычно оформляют фальсифицированную, поэтому редко ездят в Москву, однако бывают в ближайших городах Калужской области – Балабаново, Обнинске, Жукове. Наряду с тесными связями с местным деревенским населением, таджики выстраивают сложные реципрокные отношения с богатыми и высококачественными дачниками, к которым они нанимаются садовниками-сторожами-смотрителями. Они блокируют попытки их работодателей и соседей узнать «как это будет по-таджикски», и при этом неизменно курсируют по деревне в автомобилях с громко включенной современной таджикской эстрадной музыкой.

Каждый четвертый имеет зарегистрированный или гражданский брак с женщинами-выходцами из окрестных деревень. При этом почти не пьющие, молодые, здоровые, зарабатывающие до тысячи долларов в месяц таджики рассматриваются местными девушками, не собирающимися перебираться в Москву, как удачная партия. Мало кто из них собирается возвращаться на родину, где нет работы («там скучно»), однако туда ездят (при наличии денег и документов) раз в год – два, стремятся туда, под присмотр старших женщин семьи, отправить русских жен с детьми.

Этот вид миграции демонстрирует значительную степень вживания в местную сельскую общину, формирование в ее рамках относительно автономного сообщества. При внешне мирном характере совместного проживания с местным населением (конфликты случаются с так же приезжими рабочими-белорусами и выходцами с Северного Кавказа, контролирующими локальные торго-

вые точки и проституцию) социально-демографическая ситуация сегодняшней российской деревни может привести к замещению этнического состава населения и социальным взрывам, которые могут быть спровоцированы какими-либо событиями по образцу Кондопоги. Одновременно это сообщество не интегрировано, не институционализировано, не легализовано в соответствии с формальными нормами российского общества, встраиваясь в него посредством личных – семейных, брачных, патрон-клиентских – связей.

Итак, рассмотренные два типа групп мигрантов имеют разные источники в стране происхождения и разные стратегии адаптации в России. Используемые ими адаптивные механизмы актуализируют различные социальные структуры в российском обществе, рождая специфические противоречия и конфликты. Понимание их особенностей позволяет и стране-донору, и стране-реципиенту разрабатывать эффективные инструменты регулирования миграционных потоков.

Литература:

1. Исследование строительных организаций, использующих труд рабочих мигрантов, проводилось в 2002 – 2005 гг., исследовано 4 «предприятия», имевших за это время 27 «юридических лиц», общая численность занятых колебалась от 67 до 223 человек, из них выходцев из республик Средней Азии от 2 до 7 % (данные анкет для внутреннего пользования и платежных ведомостей). Общая характеристика этих производственных единиц, а также поведенческие последствия нелегального статуса фактического предпринимателя и его работников даны в нашей работе: Чиквадзе Н. К. Обозначения легального и обычного организационного поведения: опыт социально-антропологического анализа // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006. С. 335-350. Исследование сельского сообщества проводилось в 1998 – 2007 гг. на территории Корсаковского сельсовета (относится к Калужской области, расположен на границе с Московской областью, 70 км от Москвы). Численность таджикской общины за период исследования варьировалась от 9 (в начале периода) до 83 человек с расселением в 3 – 6 соседствующих деревнях (оценочные данные наблюдений).
2. Данные категории рассматривались нами подробно в: Иконникова Н. К. Растрата умов... // Утечка умов и национальная безопасность. Тезисы докладов научно-практической конференции, Москва, 15 апреля 1998 г. М., 1998.